

Семен Злотников

НИГДЕ МЕНЯ НЕТ

Драма двух частях с эпилогом

Действуют:

Кир — 48 лет.

В а л е р и я — 45 лет.

Л и з а — 21 лет.

Ю л ь к а — 18 лет.

М о д е с т — 56 лет.

М о ш е — 42 лет

Американец — 27 лет

Часть первая

*Ночь. Темно. Тишина. Слышно, поворачивается ключ в замке. Какие-то скрипы, чьи-то вздохи... Наконец, открывается дверь, полоса света. Появляется Валерия. Задумчиво стоит. Включает свет, снимает плащ – опять вдруг словно задумывается... Достает какой-то листок, внимательно разглядывает, прячет на груди. Уходит. Вскоре возвращается, зажигает спичку, подносит к конфорке газовой плиты... Замечает висящую на стене картину, на которой изображены двое возлюбленных среди моря мусора. По странной фантазии художника, фигуры людей поэтично сотканы из бесконечных мусорных элементов. Мусор однако красиво!.. Валерия разглядывает картину как замороженная; не замечает, как спичка догорает и гаснет. Опускается на стул и сидит, будто в забытии, не в силах оторвать глаз от картины... Появляется **Кир**. Босой, в нереальных трусах и выцветшей порванной майке, с нарисованным на груди жирно: «Нет!..» Взлохмаченный, заспанный, щурится на свету.*

Кир. Здравствуй, любимая. *(Направляется к умывальнику, пьет из-под крана, откашливается, отфыркивается, постанывает.)* У-у-у, эти провода в другую жизнь... Это же сколько здоровья нужно – столько водки выпить... Во всем этом деле меня интересует предел: есть он или его не бывает? Ф-фу... Дай, что ли, закурить. Курево кончилось ровно в полночь. Совсем, как у Золушки... Лиза смолит, как безумная: одну за другой. С ней никаких запасов... Да, не забыть бы, я денег для вас раздобыл. Сунул тебе под дверь, найдешь... Да, кстати, сколько имеем времени? Не опоздать бы, черт... *(Держится руками за голову.)* О чем-то еще хотел спросить – забываю... Нет, это точно, без курева жить невозможно. Как у некоторых получается – не представляю... *(Замечает взгляд Валерии на картину.)* А-а, что, вспоминаешь?.. А чего, и сегодня еще ничего, да? Мне тоже так кажется: что и сегодня... *(Сощурившись, разглядывает картину.)* Короче, тебе, любимая... Пока я повесил здесь... ты прости... Было хотел у тебя в комнате – заперто оказалось... Здесь тоже нормально. В последнюю минуту меня, как стукнуло: достал из ящика. Гляди иногда, вспоминай... Да?.. Эй... *(Она молчит.)* Что, ты не рада? Я помню, ты говорила – тебе она нравилась... Да эй же...

Валерия. Где сын?

Кир. Сын?.. Сын-сын... Что-то не видел сегодня. А где, кстати, он? Так толком не увиделись, не поговорили... Дашь закурить? Или у тебя тоже закончились?

Валерия. Возьми в сумке.

Кир берет сумку и протягивает ей. Она же сидит, закрыв глаза.

Кир. Эй!

Валерия. Я же сказала: возьми сам.

Кир. Нет, достань-ка сама и угости. Да, будь доброй. Можешь сделать приятное напоследок?

Она молчит.

Залезать мне в чужую сумку... *(Ждет; наконец, не выдерживает, открывает сумку.)* О, ай вонт ту смоук «Мальборо»... Ай лав ту смоук «Мальборо»... Это я так английский учу... Смех!..

С удовольствием закуривает, выдыхает колечки дыма. Она поднимает глаза, полные слез, молча, на него смотрит.

Послушай, какая еще загадка: до чего иногда приятно закурить... Ах, казалось бы, такая малость – а вот же, поди... Нет, правда, если поднапрячься и посчитать, сколько их вообще, таких малостей: закурить, выпить, обнять кого-то... Что еще?.. *(Замечает ее взгляд.)* Что, любимая? *(Опускается возле нее на колени, берет ее за руку.)* Не дергайся, не отворачивайся, прошу. Смотри на меня по-доброму... Как сто лет назад... Ведь было, любила меня когда-то, черт меня подери... *(Обнимает ее ноги, держится за руку, целует ее.)* А помнишь, мечтали умереть в объятиях друг у друга? Так и не умерли, нет...

Появляется Лиза, заспанная и нагая.

А хорошая это смерть – в объятиях, а?..

Лиза. Плохая. *(Пошатываясь, идет к раковине, пьет из крана. Уныло глядит на мужчину и женщину.)* Жить в объятиях – лучше! *(Потягивается – зевает.)* Ну, правда, если еще посмотреть – в чьих!.. *(Подбирает из пепельницы окурки, затягивается.)*

Валерия тихо плачет.

Кир. Валерка... Любимая... Эй...

Валерия. Отпусти меня...

Кир. Нет, зачем отпускать...

Валерия. Отпусти.

Кир*(не отпускает)*. Да, может, все это в последний раз... *(Лизе.)* Заяц, ты чего? Ну, чего тебе не спится?

Лиза. Будильник звонил мне – пора! Сам же просил пораньше поднять, а сам убежал...

Кир. Курить захотелось. Видишь... еще время есть. Беги скорее под одеяло, скоро приду.

Лиза. А чего я там буду делать одна под одеялом?

Валерия*(порывается встать)*. Отпусти.

Кир. Нет уж, куда... *(Обнимает крепче.)* Не поговорили еще...

Валерия. Не надо меня держать, не хочу!.. Я сказала, что не хочу!..
(Вырывается, уходит.)

Кир*(стоит на коленях)*. Да куда же ты, эй?..

Тишина. Вздыхнув, он забирается на стул; глядит на часы, закуривает. Лиза спокойно стоит и курит. Наконец, выкидывает окурок в раковину и невозмутимо, со знанием дела располагается у него на коленях. Он демонстративно отворачивается. Она отнимает у него из губ сигарету.

Знаешь, ты кто?

Лиза. Ой, как я знаю, ой, как... *(И ластится, и жметя к нему, будто ища защиты.)*

Кир. Нет, ты не знаешь. Потому что, если бы знала...

Лиза *(томно)*. Ой, Кирка, пожалуйста, миленький, не ругайся на меня, да? Лучше поцелуй – лучше будет.

Кир. Нет уж, ты вдумайся: кто ты? Ты думаешь, будто ты заяц – но ты ошибаешься...

Лиза *(рычит)*. Я – серый волк!

Кир. Нет. Ты – хитрая лиса. Ты – коварная змея в заячьей шкурке.

Лиза. Неправда, неправда: я маленький, ласковый зайчонок...

Кир. Змея ты, змея. Только я еще не решил, какая: кобра, гадюка или питон... Сразу признайся: только жалишь или еще умеешь душить?

Лиза. Я умею любить, дурачок... *(Целует его.)* Потому что я бедная, я хорошая, я смирная зайка... *(Целует.)*

Кир. Рассказывай это кому-нибудь... *(Тоже ее целует.)* С коварством змея и с большой опасностью для жизни...

Лиза. Почему это я опасная – мне интересно...

Кир. Ты же видела – я прощался.

Лиза. Я видела только, как обжимался с бабулькой – это я видела! А больше я лично ничего не видела!.. *(Целует его.)* А, ты думаешь, что мне жалко? Да на здоровье тебе, дурачок! Все, что полезно старым козлам – полезно народу! Свободу старым козлам!.. С кем хочешь, когда захочешь, и сколько захочешь!..

Кир. Змея... *(Целует.)* Заяц-змея... могла бы нам не мешать... *(Целует.)*

Лиза. Я не ревную, мне просто завидно... *(Целует.)* Когда моего мальчугана у меня же на глазах... *(Целует.)* А я что же, лысая... *(Целует.)*

Кир*(потаял, поплыл).* Заяц мой... ласковый заяц...

Лиза. Может, сама я желаю с козлом, я сама...

Кир. Зачем же такой эгоисткой...

Лиза. А буду, а хочется... *(Расстегивает на нем штаны.)*

Кир. Да нет же, не здесь...

Лиза *(непреклонно).* Только здесь...

Кир. Тут ходят, нехорошо...

Лиза. Хорошо...

Кир. Нет...

Лиза. Да...

Кир*(вдруг, с восторгом).* За что мне такое на старости!..

Возвращается Валерия с пачкой денег – швыряет на стол. Берет стакан, наливает воды из крана. Пьет лекарство. Стоит, низко опустив голову.

Кир*(Лизе).* погоди, не могу... Не могу я сейчас, тебе говорю...

Лиза *(стонет).* Можешь, можешь...

Кир. Ну, ты видишь сама... Я прошу тебя, зайка...

Лиза. Не вижу-не вижу... и видеть я не хочу – о-о...

Кир. Как человека прошу, я прошу... *(С трудом стаскивает ее с себя.)*
Ползи ты отсюда, я догоню...

Лиза. Одна? Без тебя? Куда?..

Кир*(умоляет).* На коленях прошу, на чем еще нужно?..

Лиза. Ой-ой, не могу пошевелиться – ой...

Кир*(уже смеется).* Дапусти ты меня, зараза, вот зараза... Не одни же, не видишь?.. *(Встает и буквально силком выпроваживает ее прочь.)* Ну, потом, я приду, я тебе обещаю, обещаю...

Лиза *(цепляется из последних сил).* Когда?

Кир. Пощади, заяц, пощади!.. Ну, ступай же, уйди!.. *(Наконец, удается закрыть дверь, тяжело дышит, смотрит на Валерию, вдруг тихо смеется.)* Вот девка-стервоза-огонь... Не могу удержаться – в кого превратила... Валерка, не злись... Полетел с тормозов, это верно... Но – ты сама видишь... *(Сзади обнимает Валерию за плечи.)*

Валерия *(вздрагивает).* Не надо.

Кир. Почему – так хорошо...

Валерия. Я прошу, я прошу!..

Кир*(отпускает)*. Недотрогой была – недотрогой помрешь. *(Мгновение стоит, опустив голову; закуривает, садится; сидит.)* Все течет, все изменяется... Кроме тебя... Деньги-то заberi. Зачем принесла?

Валерия. Нет.

Кир. Ну, вот, так и знал... Не упрямясь, возьми. Картину продал, шальные... Мне же приятно, эй... Все эти годы не мог вам помочь. Теперь, видишь...

Она молчит.

Ну, считай, они с неба упали. Падает же на тебя снег или дождь?

Валерия. Мне плохо...

Кир. Что-то болит?

Валерия. Болит.

Кир. А что?

Она молчит.

Эй, что болит?.. Голова? Сердце?.. *(Встает, легко касается рукой ее плеча – она резко отходит в сторону.)* Валерка... любовь моя первая-первая... что, будем друг дружку грызть на прощание? Брось, переступим. Видишь, я больше не злюсь. Не ругаюсь, не хнычу. Одна жизнь уходит – я не оборачиваюсь и вслед не гляжу... Другая еще впереди – там увидим... Уговорил я себя. И ты уговори, что ли... *(Задумчиво смотрит на нее.)* За голову держишься – голова?.. Сядь, сделаю тебе голову. Эй, садись прямо, не борись ты со мной. *(Силой усаживает и удерживает.)* Я тебя успокою, увидишь, не дергайся. Боль пройдет, обещаю, это же просто... Где болит – тут, виски?.. Затылок?..

Внезапно она затихла в его руках. Похоже, смирилась. Сидит, закрыв глаза. Он мягко, с нежностью поглаживает.

Вот хорошо, вот правильно... Не думай сейчас ни о чем... Думай, не думай – а как судьба наедет, да как задавит... Вот кто не соблюдает правил движения... *(Ласково поглаживает.)* Поседела, любимая...

Она открывает глаза, полные слез.

Сейчас чуть полегче, я знаю... А будет еще, еще... Будет хорошо... Кстати, хотел рассказать – забываю: ты что-нибудь слышала о племени безголовых? Неужели ничего?.. Странно, все только говорят... как это, оказывается, красиво – без головы! Ребят где-то в Африке обнаружили: ноги есть, значит, попа, туловище, руки, плечи, а дальше... То есть,

дальше плеч – ничего!.. Представляешь? Я на фотографии – кстати, была и фотография – стал искать голову... Где-то же она обязательно должна?.. С трудом обнаружил: действительно, из подмышек выглядывала маленькая, кругленькая, хитроватенькая... Вся под мышками помещается, вся!.. Все будет хорошо, все, все... Помню у нас уголовник был, Жора Пятикопытов. Два метра тридцать шесть сантиметров. Ему по ночам, как циклопу, ко лбу фонарь привинчивали, территорию светил. Любимое у него обращение было: масенький мой!.. Так вот, говорю: до чего же ей, этой масенькой, было там хорошо, уютно, тепло, а главное – безопасно... Представляешь, кирпич падал на голову – упал на плечо... Опять же, не так больно...

Валерия внезапно дернулась – Кир держит ее крепко.

Что, ты не веришь? А почему ты не веришь?.. Гляди, ребенок родится... к примеру, как мы с тобой... Хотя, за себя давно не ручаюсь, но все же... Ребенок!.. К примеру, нормально живет девять дней, на десятый для него начинается: собственные родители собственными руками младенцу головенку отвинчивают. Утром и вечером, без выходных. Потихонечку, с удовольствием: девочкам направо, мальчикам налево. Так до тех пор, пока она вся послушно под плечиком не уляжется. А вот когда она, наконец-то уляжется...

Валерия. Юльке повестка пришла.

Кир. Лично мне интересно безумно: с мозгами при этом – как?.. С умом и талантом?.. Если их из тебя тянут-потягивают изо дня в день?.. То есть, всякий божий день – представляешь?.. Это ж до жути похоже на мою дорогую жизнь: всякий день из меня, изо дня в день!.. *(Внезапно осекается, опускает руки, внимательно на нее смотрит.)* Прости, не расслышал. В тюрьге, случалось, шлепали по ушам... Что ты сказала?..

Валерия. Юльку в армию призывают.

Кир*(быстро)*. Кто призывает?.. Вернее, прости, я не то, все понятно... Я хотел сказать: это серьезно?..

Валерия. Я же тебе говорю: шестая повестка.

Кир. Да, понимаю... Юльке сказала?..

Валерия. Ты что?..

Кир. Не права, это стоит заметить... Он должен знать... Где повестка?

Валерия. И речи об этом, Кир, я прошу... Нет-нет, никогда, нет...

Кир. Подожди, не сходи с ума... От того, что ты скажешь... Надо же понимать, что делать... *(Берет ее за руку.)*

Валерия. Не прикасайся ко мне, не хочу!

Кир. Да я только хотел...

Валерия. Я не выдержу, не прикасайся! Не прикасайся!.. *(Отходит.)*

У него опускаются руки. Молчат. Заглядывает Лиза. На ней драная майка. На груди нарисовано жирно: «Да!..»

Лиза. Эх, вы, собаки. Лааетесь, спать не даете. Закурить хотя бы дадите?

Кир быстро протягивает сигареты.

А чего, а других тут нет? Где-то вроде, вадядись, я же своими глазами видела...

Кир. Бери, что дают, и вали отсюда.

Лиза. Как это вали? Как это ты, интересно, вали – мне!..

Кир. Потом, я сказал! Я сказал!..

Лиза(не сразу) Да, обещаешь?.. *(Лениво глядит на Валерию, неторопливо переводит взгляд на Кира.)* Ну, допустим... Спички дадите? У меня и спичек нет.

Кир. Там же, на тумбочке... Заяц... *(Отдает ей спички.)*

Лиза. Ну, благодарю. А ты?

Кир. Чего еще надо?

Лиза. Просто мне интересно, когда я уже, наконец, тебя обниму?

Кир*(смотрит на Валерию).* Оставь, скоро за нами приедут...

Лиза. Да успеем еще, пошли. На родине, может, в последний раз!

Кир. Заяц...

Лиза. Чего? Одна не пойду. Мне одной тоскливо. Голова сразу от мыслей пухнет и комплекс вдовы. В прошлой жизни, наверно, была вдовой. Ох, ты, тяжкая вдовья доля...

Кир. Еще одно слово и я, чувствую, точно стану вдовцом.

Лиза. Не уйду, не проси.

Кир. Ты... Почему?

Лиза. А так хочется. *(Садится, лениво закидывает ногу на ногу.)*

Кир*(взрывается).* Тварь! Почему ты так хочешь, когда я прошу!..

Лиза*(быстро).* Очень хочу, поцелуй!

Кир. Уйди от меня!

Лиза*(обвивает его).* Поцелуй, нет, поцелуй...

Наум*(выдирается).* Удавлюсь, не дождешься, нет...

Лиза. Поцелуй, лучше будет... а то не уйду... Ну, целуй, да целуй...

Кир*(обреченно мотает головой).* Сейчас все случится... Вот в эту минуту, запомните ее... Сейчас и прибью, и пускай... *(Целует ее в щеку.)*

Лиза. Э, не формально – так не пойдет... Это так каждый умеет – без чувства, без страсти, я так не согласна, не-не...

Кир(*хватается за голову*). Хотите мне смерти? – Будет! Будет!.. И сразу всем сделается хорошо!.. Я знаю, я знаю!..

Молчат.

Лиза (*зловеще усмехается*). Не хочу тебе смерти. (*Крепко и с чувством целует.*) Я – не хочу. (*Еще усмехнувшись, уходит.*)

Тишина.

Кир. Так... Вот так и живем... Молодая еще, видишь... Говорит, будто любит... А, наверное, врет... (*Молчат.*) А ты уже, наверно, жалеешь, что пустила меня на постой... А, наверно, действительно, не стоило... В общем, и было, где остановиться... Но – ты понимаешь... Тебе, может, трудно сейчас понять: непослудок, вдруг, до смерти захотелось побыть возле тебя. Возле сына... (*Молчат.*) Послушай, подумал...: Ты бы, может, решилась, отпустила бы Юльку со мной.

Валерия(*сразу*). Нет.

Кир. Почему? Доберусь до места – пришлю ему вызов. Когда они его забирают? Вы тут еще потяните. Может, еще и успеем...

Валерия. Нет, я сказала, этого не будет, нет. Ты не понимаешь?

Кир. Он не выдержит, как ты не видишь?

Валерия. Он будет со мной, только со мной и перестань!

Кир. Но с тобой он погибнет!

Валерия. Он мой!.. Будь ты проклят, он мой, только мой!.. (*Плачет, захлебывается в слезах.*) Мой, только мой... Мой...

Молчат.

Кир опускается на стул; сидит, обхватив голову; встает, направляется к выходу.

Валерия. Не уезжай.

Он останавливается. Удивленно на нее смотрит.

Сдай билеты. Поменяй. Хотя бы на месяц. Хочешь, я сдам? Я это устрою, я это сама... Есть знакомый...

Кир. Это ты мне говоришь? Я этой минуты, поверь, дожидался...

Валерия. Мне одной не управиться. В моем состоянии, Кир... С людьми уже не могу, не получается... Ведь с ними разговаривать, а я слово скажу – и реву... Думают, истеричка, больная...

Кир. А ты вправду больная, любимая, если такое мне можешь ты...

Валерия. Ну, кто ему поможет, если не отец? Знаешь же, некому больше... Был бы жив папа...

Кир. Твой папа!..

Валерия. Да, был бы он жив!..

Кир. Был бы он жив – я сейчас бы его бы вот этими самыми руками!..

Валерия. За что?

Кир. Ты у меня это спрашиваешь – за что? После всего, что он сделал нам – нам, нашей семье, мне?!.

Валерия. Столько лет прошло, Кир...

Кир. Я молчал, это ты начала...

Валерия. Начала потому, что...

Кир. Тошнит!.. Невозможно выдерживать, Лерка!.. Разумно скажи: чего ты от меня хочешь? Только, пожалуйста, ты не терзай меня, а словами и чтобы понятно... Потому что меня обвинять, что ты одна его растила целых двенадцать лет...

Валерия. Ты мог не слушать его, не обращать...

Кир. Когда кричат тебе: жид? Будь ты проклят? Вали в свой Израиль?

Валерия. О. Боже, прости его, Боже, прости...

Кир. Я тут хотел, тут, понимаешь ты, тут!..

Валерия. Я не выдержу, Боже...

Кир. Я – тут!..

Валерия. Кир, оставь сейчас, Кир, если это случится – все для меня и закончится, я же не стану жить... Потому что уже ничего в этой жизни, Кир, ничего-ничего...

Кир. Ты хочешь, короче, чтобы я остался?

Валерия. Сыну моему помоги!.. *(Плачет, обрушивается перед ним на колени.)* Я не знаю, что делать, Кир, но – сын, помоги, я прошу, мой сын...

Кир*(опускается возле нее на колени, обнимает, пытается успокоить.)* Как помочь?.. Что могу? Разве что-то могу?.. Подожди, ты сама: что могу?.. Куда мне идти, с кем говорить?.. Я же думал уже, я думал!.. Да со мною никто и не станет... Я чужой, я отрезан! И раньше я был не поймешь кем, а теперь... Да смешно же, смешно!..

Валерия. Родненький, некому кроме тебя, ты видишь: одна я, одна... Ты бросил меня, он был маленьким...

Кир. Опять бросил...

Валерия. Нет, я не то!.. Кир, я не то хотела... Но мне было страшно тогда, как теперь... Он был только моим, для меня, я могла за него бороться, а теперь... Видишь, его отнимают у меня и я ничего не могу сделать...

Кир. Ты не слышишь, ты не понимаешь, ты не хочешь услышать: что я могу сейчас?

Валерия. Я чувствую, мы погибнем... погибнем... Прошу тебя, сделай ты что-нибудь, сделай...

Кир. Рвешь душу, Валерка, не хочешь понять: я улетаю. Все для меня истекает: виза, билет на самолет, бездарный кошмар...

Валерия. Начнется другой!

Кир. Но другой! Не этот! Другой!.. В карцере, помню, снилась не воля, даже не общая камера – ты не согласишься, мечтал о другом карцере. Хотя бы о другом карцере!.. Даже во сне сходишь с ума от вьевшихся в память царапин, выбоен, точек на стенах, на полу и потолке. Я во сне боялся проснуться, открыть глаза. Случайные знаки на стенах царапали и кололи меня, казалось, в самую душу. Другие стены казались спасением. Другие, понимаешь, другие!..

Она молчит.

Ты и обо мне немножко подумай: белого света не видел. Жизнь прожил на привязи. Как пес цепной. Родился, кажется, для одного – получил совсем другое. Мне 48 лет, меня столько гнули, ломали – я сам про себя уже плохо понимаю. Что же я такое? И – для чего?.. Понимаю только, что жить мне осталось... Что ты так на меня смотришь? Хочешь меня тут похоронить? А скажи, для тебя было бы легче, наверно, меня похоронить, чем отпустить с миром – так?..

Валерия. Бога побойся...

Кир. Пойми ты, я должен уехать... Всё прожил я тут... Ну, смогу помереть – разве, что, ты пойми... Я попробую там... Там, там я попробую, я... Ну, конечно, попробую там...

Она молчит.

Дозвонился сегодня Ионе в Нью-Йорк. Все, говорит, ящики с картинами, слава Богу, дошли. Говорит, приезжай поскорей, стоят под открытым небом, а скоро дожди... (*Смотрит на нее.*) Мне тут после тюрьмы житья не дадут... Все понятно... (*Встряхивается.*) Нет-нет, да нет-нет... все там будет по-другому, все... И заяц мне там, не согласишься, маленького родить обещает!..

Валерия вдруг задержалась – он не отпускает.

Я же сказал, что развеселю тебя, дуреха ревнивая... *(Смеется.)* Никак согласиться не хочешь, что я еще живой и у меня еще что-то будет...

Валерия. Ничего у тебя не будет, пусти...

Кир. Семья еще будет! И все еще будет, увидишь!..

Валерия. Мне больно, Кир, больно, больно...

Кир. И признают меня – там! И буду богат – там! И знаменит, и любим!.. Валерка, другая жизнь! Всего через пару часов – другая!.. *(Отпускает ее, встает.)*

Валерия. Наш сын, Кир, тебе все равно?..

Кир. Почему все равно? Нет... Я же хочу ему помочь, но что я могу? Я не знаю... Да и слов, если честно, не нахожу... Не могу с ним придумать – так... То есть, вижу, и понимаю: мой сын, и надо бы для него что-то сделать... Но кроме удивления, какого-то оцепенения во мне – ничего... Ну, правда же, ну, поверь... Валерка, послушай... я, вдруг, подумал: может, все-таки стоит ему послужить?

Валерия. А?.. Что ты сказал?..

Кир. Нет, ты прислушайся: может, именно это ему и нужно? Мужская армейская компания, мужская армейская жизнь, все мужское... Закалится, окрепнет, что-то такое, возможно...

Он не успел договорить, Валерия схватила со стола кухонный нож – ударила его. Он успел прикрыться рукой – это его и спасло. Все случилось так быстро – похоже, он испугаться не успел, только крикнул.

Зачем?! *(Отнял нож, оттолкнул – она упала на пол.)* Тварь! Тварь!.. Добить хочешь, тварь!.. *(Уходит.)*

Валерия на полу. Плачет. Прибегает Лиза, хватая полотенце. Было уносится - впрочем, тут же возвращается.

Лиза. Старая коза, коза!.. *(Хлещет полотенцем, пинает ногами – Валерия не сопротивляется, только дико кричит от тоски и боли.)*

Слышно, Кир кричит: «Заяц! Заяц!..»

Я покажу тебе резать, коза, еще покажу!.. *(Убегает.)*

Тишина. Стонет Валерия. Наконец, она медленно поднимается. Стоит, как потерянная. Прибегает Лиза и хватается за нож. Валерию от расправы спасает Кир. Рука у него перевязана полотенцем.

Лиза (*сопротивляется и кричит*). Убью козу! Навсегда убью!..

Кир. Положи нож! Отдай быстро нож!..

Лиза. Пускай меня в землю живой закопают – убью! Я убью!..

Валерия быстро уходит.

Кир. Нож! Дай нож! Мне отдай, мне!.. (*Отнимает у нее нож.*)

Лиза (*блеет вслед*). Меее! Меее!..

Кир. Отстань от нее!

Лиза. Меее, коза, меее!..

Кир. Еще одно ме – и я не поеду!

Лиза. Чего?..

Кир. Всех вас к чертовой маме – вас всех!..

Лиза. А что, разве я?..

Кир. Молчи!

Лиза. Нет, ты скажи, разве я тебе жизнь поломала?

Кир. И ты!.. Еще поломаешь!.. Молчи!.. Я любил эту женщину, ясно? И она мать моего ребенка, ясно? И она...

Лиза. А я?

Кир. Ты – другое! Другая!.. Ты только должна понять: тебя – не касается!.. Мое – то мое!.. И уйди от меня! Не хочу тебя видеть, уйди!..

Лиза. Не дожدهшься. (*Виснет на нем.*) Подумаешь, мать-детей-героиня... За тебя испугалась, не за себя. Из-за дуры такой заторчать... Между прочим, нам ехать – она тебя режет. Так хорошо? Мне даже обидно: какая-то ненормальная бабка режет моего молодого мужа.

Кир. Чего ты понимаешь? Она еще очень интересная женщина.

Лиза. Бабка. С гнилыми зубами. И кривоногая!

Кир. Лучшие были ноги на Невском проспекте!

Лиза. Были – когда? Теперь лучшие – мои! И вообще... Кирка, послушай, будешь меня заводить про лучшие ноги – я тебе ухо откушу.

Кир. Пожалуйста, на. (*Подставляет ухо.*) На же, кусай. Мне так надоело вас слушать!..

Лиза. Да? Гляди, пожалеешь. Я помню, в школе мальчишку зареуновала – ушко в унитаз выплюнула и воду спустила. Ой, такой бедненький, знаешь, как ему потом без ушка было обидно?..

Кир (*хватает ее за плечи и встряхивает*). Послушай, серьезно, в последний раз: я не хочу, чтобы ты лезла в мое прошлое.

Лиза. А я не хочу, чтобы она тебя резала!

Кир. Пойми, все не так просто. Была еще целая жизнь – без тебя.

Лиза. Да какая же это была жизнь – да тоска!.. Да еще без меня жил... *(Ласкает его.)* Мне лично без меня – вообще неинтересно... *(Ласкает.)* Я тебе нравлюсь?... Глупенький мальчик, да как же у тебя на языке поворачивается такое: веди себя так-то, туда не гляди, того не думай... Или я не живая, Кир? Чего я тебе плохого сделала? Даже еду с тобой в Америку!.. *(Целует его.)*

Долго целуются. Внезапно свет гаснет и тут же вновь вспыхивает. На кухне возникает прелестное юное существо – девушка! В нарядном платье с широченным поясом на тонкой талии, туфли на высоченном каблуке; щеки густо намалеваны, глаза жирно подведены, на ушах огромные лазурные клипсы.

Юлька. Ага, вы целуетесь! А мы обыскались: да где же они? А они – вот, оказывается, спрятались на кухне и ласкаются! Милый, ты где?

Является вальяжный седовласый господин. Внешне похож на композитора Чайковского. Но зовут его почему-то, как Мусоргского – Модестом.

Модест. Душевно признателен случаю познакомиться. Модест Тартаковский. Очень приятно. То есть, сказать чтобы – очень...

Юлька. Ах, милая Лиза, можно я тебя поцелую в щеку?

Лиза. В щеку – целуй. *(Подставляет щеку.)*

Юлька. *(словно тут же забыв о просьбе, всплескивает руками.)* Ох, как тебе к лицу твой наряд!

Лиза*(смеется).* А что, могу одолжить... *(Стаскивает с себя майку и кидает Юльке.)*

Юлька *(тоже весело смеется).* Ой, браво, моя красивая, как хорошо! *(Модесту.)* Правда, она прелесть? Ласточка такая – само совершенство! *(Отправляет Лизе по воздуху поцелуй.)* Папочка, солнышко, как хорошо, что ты не успел отбыть! *(Обнимает Кира, движения плавные, грациозные.)* А что у тебя с рукой? Боже, кровь... Порезался, бедненький?.. Господи, мамочка, что же она натворила: буквально вчера наточила ножи – и вот!.. Папка, больно? Неужели больно?.. Как я боялась, что мы не успеем! С Модестом поехали на дачу подышать чистым загородным воздухом, погреться у камина, забыться... Время, представьте, зашло так далеко – мы пропустили последнюю электричку. Слава Богу, какой-то попутный человек подобрал – мы успели. Папочка, ты рад?

Кир. Да, конечно... Хорошо, что приехал... Спасибо...

Юлька. Ах, славный папочка, жаль-то как, что ты уезжаешь в эту Америку... Это так нужно?

Кир пожимает плечами.

Прости, я нечаянно читала твои дневники, ты писал, что тебя тут не понимают, а там... Там поймут?

Лиза. Там поймут!

Юлька. Дай-то Бог!

Лиза. Мы, как только приедем – так сразу поймут! Мы приехали, здрасте!

Юлька. А ты уверена? Боже мой, как я хочу, чтобы всем уже было хорошо! Пожалуйста, Лиза, милая, побереги его там, да?.. Мы ведь еще увидимся? Ну, как-то, когда-то... Кто это мне говорил: мир стал маленьким?.. (*Модесту.*) Смотри, милый, стала забывать...

Модест (*обаятельно улыбается*). Это я сказал. Мм...

Юлька. Ты? Ты так сказал?.. Как хорошо ты сказал: мир сделался маленьким, а человек – большим. Так, кажется, милый, не наоборот?

Модест. Мм... (*Улыбается, кивает.*)

Юлька. Именно так, я вспомнила! И ответственность – ты сказал – этого большого человека за этот маленький мир возросла во много раз!

Лиза. Ладно, спасибо за все, тогда я пошла собираться. (*Направляется к выходу.*)

Юлька. Лиза, куда же ты, милая?..

Модест. Очень милая, очень...

Юлька. У папочки вкус – потрясающий... Что ни избранница – то произведение искусства. Папочка, поделись, как тебе удастся? Я помню, несколько лет тому, я училась в девятом классе, папка приезжал с красоткой – глаз было не оторвать. От Лизы, кстати, тоже не оторвать. Модест, я надеюсь, ты обратил внимание: она до того хороша – ей даже нечего скрывать!

Модест (*мягко, обаятельно улыбается*). Ей как раз есть чего скрывать. Но она не скрывает.

Юлька. Ах, что ни говори – женщина должна быть красивой! Да, милый?

Модест. Да... мм, и мужчина. Хорошо, если красив... Да...

Юлька. Человек!.. Ах, как бы тактичней сказать: человеку как будто чего-то недодали, если он не красив...

Молчат. Размышляют о красоте.

Боже мой, я же вас не представила друг другу: Модест, я надеюсь, что имя художника Кира Соломова тебе, конечно же, говорит?

Модест. Мм...

Юлька. Ну, как же, Модест, знаменитая выставка непризнанных художников на Болотной!.. Там был и папочка!.. Ты, Модест, как интеллигент до мозга, не можешь не помнить...

Модест (*внимательно разглядывает картину*). Да, да, да, да, да, да, да, припоминаю, да... Как вас зовут, вы сказали?

Юлька. Соломов! Кир! Кир Соломов!..

Модест. На выставке не был, картины не помню. Помню ужасно ругательные статьи в газетах... Соломов, сказали?

Юлька. Соломов!

Модест (*обаятельно улыбается*). Еврейское что-то в фамилии есть... Мм... вы – еврей? Извините...

Юлька. Что, па-ап, прости, ты – еврей?

Кир. Да. Уж так получилось. И ты меня прости.

Юлька (*радостно*). Еврей! Модест был не в курсе, папочка... Но мы не касались – ведь верно, Модест? Какая-то чепуха... Мне лично кажется, все люди – люди... Не так ли, Модест?

Модест. Мм... Почему-то я был уверен, что вы – Серебрянко. (*Обаятельно улыбается.*) Совсем не похожи на еврея... Простите...

Юлька (*тоже смеется*). Действительно, папка, а ведь не похож... Ну-ка, ну-ка, в профиль, позволь посмотреть... Серебрянко у нас мамочка, Модест! Я на фамилии мамочки. Разве я тебе не рассказывала? Почему-то они так решили, что для жизни удобнее Серебрянко. А странно, не правда ли?

Модест. В какой-то степени... Вообще-то родители были правы: Серебрянко понятнее, чем, скажем, Соломов...

Юлька. А он тебе нравится, милый? Ты его полюбил?

Модест. Мм... Да... Мне кажется, я испытываю первое сыновнее чувство – расположения...

Юлька (*Киру*). Модест – он философ, гуманитарий, умница! Люби его, папочка, этого моего большого друга! (*Обнимает отца.*) Ах, мужчины, пожмите друг другу руки! Мужское пожатие руки – что может быть лучше!

Модест (*протягивает руку*). Здравствуйте.

Кир (*смотрит на Юльку, после чего нерешительно здоровается*). Да... Добрый день...

Модест (*обаятельно улыбается*). Ночь. Доброй ночи. Неважно, поверьте, я рад, сердечно... Будем знакомы: Модест.

Кир. Действительно... Ночь... Извините... Как бы не очень одет... (*Хочет отнять руку – Модест не выпускает.*)

Модест. Мм... Тем не менее, очень приятно... Приятно...

Кир. Спасибо... Пожалуй, пойду... Самолет... *(Вдруг, с опаской смотрит на Юльку.)* Мне тоже... Извините...

Юлька *(рукой скрепляет союз двух мужчин)*. Милые мои, близкие люди. Все-таки я успела вас познакомить – слава Богу! До чего мне сейчас хорошо... Хорошо, Господи... Хотя и тревожно... А впрочем, хочется жить – правда? Очень хочется жить... Только я пока не понимаю, как мне это делать...

Модест. Заранее, дорогая, ничего невозможно предугадать. Поэтому правильное будет – надеяться на все лучшее.

Юлька. Ты действительно так думаешь, Модест?

Модест *(обаятельно улыбается)*. Если научиться довольствоваться подарками судьбы и не роптать – жить можно почти приятно.

Юлька. Ты – умный. Ты – добрый, великодушный, прекрасный!

Модест улыбается и кивает.

Я тебя очень люблю.

Модест кивает и улыбается.

Милый, милый...

И смотрят они друг на друга с такой нежностью, с такой лаской – по-хорошему не позавидовать трудно... Богу известно, что в эту минуту на душе у Кира. Но и ему, кажется, трудно оторваться от возлюбленных...

(Рассеянно.) Папочка, скажи... Модест, милый, прости... Папочка, а где наша мамочка?

Кир. Там... у себя...

Юлька. Грозилась уйти ночевать к каким-то старым друзьям... Странная мамочка, именно сегодня... Она мне очень нужна. Спит?..

Кир. Не знаю... наверное...

Юлька. Разбудим? *(Интригуяще улыбается.)*

Кир. Зачем?

Юлька. А сюрприз... *(Модесту.)* Да, милый?

Модест неторопливо кивает и обаятельно улыбается.

Хорошо бы, Модест, сегодня: ведь папочка уезжает... Ему же приятно узнать, что я с хорошим человеком... *(С нежностью смотрит на Модеста.)* С милым, надежным... Как ты считаешь, ему будет спокойнее?

Модест улыбается, кивает.

(Шепотом.) Я скоро... (Уходит.)

Кир и **Модест** молчат.

Модест. Мм... Юля говорила... Мм... Мне казалось, вы едете в туризм. *(Кир молчит.)* Жаль, уезжают люди... Очень жаль... *(Молчит.)* Извините, неделикатный вопрос, возможно: с радостью нас покидаете?

Кир. Без нее.

Модест. Правда? И все-таки покидаете? Очень, мм... То есть, очень... Опять же, простите, но зачем вы это делаете? Человек должен жить там, где родился. Я убежден.

Кир. Мне тут плохо.

Модест. Но тут – родина.

Кир. Меня тут не любят.

Модест. Ну, зачем же так... Все же вы художник, человек культуры... Вам будет сложно меняться. Я бывал за рубежом, пытался себя представить там... Ничего не получалось. Увы.

Кир. Вы бывали, я – нет. Нигде дальше острова Сахалин.

Модест. Вы сердитесь, можете ошибиться. Можно сердиться на каких-то людей – на народ, на землю сердиться не следует. Будет искренно жаль, если...

Кир *(вдруг грубо и резко перебивает)*. Я не сержусь. Меня столько били – во мне не осталось места, каким сердятся. Не надо со мной, как с глупым. Я все понимаю. И вы все понимаете.

Модест. Мм... Ради Бога, простите... Я бы только хотел уберечь вас, если это еще возможно, от непоправимой ошибки.

Кир. Знаете, что: теперь вы себя поберегите. А я – уезжаю.

Модест. Себя – но это, как Бог... За вас беспокойно. Я много читал воспоминаний прошлых эмигрантов. Это всегда, знаете, такая рана, такая боль...

Кир. Послушайте, это пустой разговор. Это – дурацкий сейчас разговор. Потому что – чужие. Потому что – безумно устали. Потому что – между нами пропасть и слова не долетают. И вам, в сущности, глубоко на меня наплевать.

Модест. Нет, отчего же, помилуйте...

Кир. Кто вы такой?

Модест. Что вы сказали?..

Кир. Что ты меня морочишь, кто вы такой? Чего ты от него хочешь? Чего ты от меня хочешь? Почему вы – тут?

Модест. Господин Соломов, мм... Понимаю ваши чувства, они не простые...

Кир. Так, гляди: мне скоро лететь. Даже прямо сейчас, можно сказать. Но пришить я тебя еще успею. Мне для этого дела много времени не нужно.

Модест. Мм... Простите, я не совсем понимаю: за что?

Кир. А просто – за так. А потом догадаешься, если сумеешь. Уж поверь, я такое видел и такое умею – головку отрежу по самому шву.

Модест. Мм... вы интеллигентный человек, вы не сделаете этого...

Кир. Сделаю. С чувством глубокого удовлетворения.

Модест. Но вы же художник – ай, ай...

Кир. Дети у тебя есть?

Модест. Не надо, пожалуйста, со мною так. Вас, конечно, интересует, состою ли в гражданском браке. В настоящее время – нет. Имею детей, внучку Федору девяти лет. Что еще? Психически, полагаю, здоров. Профессор кафедры философии...

Кир. Старый, плешивый козел. Хочешь, чтобы я тебе на пальцах объяснил?

Модест. Ваши отцовские чувства понимаю, господин Соломов!

Кир (*подступается*). Если ты сейчас же, немедленно, прямо сейчас не оставишь парня в покое...

Модест. Но, позвольте, но я не могу, я – люблю!

Кир. Чего?..

Модест. Да... мм... я люблю вашего сына... Простите, если выражаюсь высокопарно, мм... О таких вещах говорить не просто, мм... Но, верьте мне, что люблю искренне, всем сердцем, честное слово. Я покинул близких мне людей, дом... Под угрозой мое пребывание в институте... Наверное, придется уйти... Юля, правда, еще не знает... Да, собственно... я не жалею, да... И говорю, верьте, не для того, чтобы разжалобить – просто... Видите, как волнуюсь, мм... Я очень, очень его люблю.

Кир. Мужик... постой... Он дурак – ему восемнадцать, но ты?..

Модест. Я... вы правы... Но я рядом с Юлей... должен сознаться... чувствую себя юным...

Кир. Он жить начинает, мужик, пожалей ты его... Ну, ты же понимаешь, о чем говорю?..

Модест. Я понимаю, но я... Мм... То, о чем говорите... поверьте... вне моей власти... Поверьте, поверьте...

Появляется Юлька со счастливым лицом.

Юлька (*шепотом*). Я разбудила... Сейчас она придет... Мамочка моя дорогая, любимая, лежит, свернувшись калачиком, – такая одинокая, такая трогательная... Будем жить с мамой, Модест? Ах, Модест!..

Появляется Валерия. Заплаканная, всклокоченная.

Мамочка, садись!

Валерия *мрачно и зло смотрит на Модеста. Переводит взгляд на Кира.*

Садись, ради Бога! В такую минуту я бы хотела... Прошу тебя, мамочка...

Валерия *садится. Низко опускает голову.*

Мамочка... Папочка... Мамочка, папочка... И ты, пожалуйста, сядь. Мне надо вас видеть. Папочка!

Кир *садится рядом с Валерией.*

Итак, дорогие мои... (**Модесту**.) Милый, а страшно, а непривычно... Господа! Мы с Модестом решили соединить наши судьбы!

Валерия (*поднимается*). Что?..

Юлька (*быстро обнимает и усаживает мать*). Ну, мамочка, ты же много мечтала, чтобы я была счастлива? Так я буду счастлива!.. Солнышко, душечка, верь нам: мы прекрасно проверили наши чувства! В час испытаний я буду опорой ему, а он – мне. Модест, я права?

Модест *ласково улыбается и кивает.*

Я почти счастлива, мамочка!..

Валерия. Юленька... Как же так, мальчик мой...

Юлька. Я знаю все, что ты хочешь сказать, мамочка! Поэтому лучше молчи, молчи!..

Тишина.

А я тебе хочу сказать, мамочка, что нам с Модестом вместе будет легче преодолевать трудности! Мы и тебе сумеем помочь – правда, Модест? Милый, какой же у тебя взгляд, какие глаза... Ну, мы же подруги, мамочка, сколько бессонных ночей!.. С каким страхом всегда представляла свое будущее: а кто же все-таки повстречается мне на пути?.. А как же он будет выглядеть, мой избранник?.. А какие у него

будут манеры?.. А добрым будет, а ласковым?.. А как говорить, как дотрагиваться?.. Какие все жгучие вопросы и как они мучили меня!.. Мамочка, добрая моя, великодушная, пожелай молодым – как обычно в таких случаях желают – любви, счастья, здоровья, долгих лет жизни!.. (*Модесту.*) Что, милый, нам в долгой дороге еще может пригодиться?

Модест. Мм... немного удачи в таких случаях... И денег, пожалуй... (*Обаятельно улыбается.*)

Юлька. Удачи!.. Конечно же, милый, ты прав: за деньги можно купить много красивых вещей!

Модест (*мягко, мечтательно*). Виллу бы лилипутку на берегу какого-нибудь тихого озера...

Юлька. Природа! Как я люблю природу! Можно разбить сады и в них – много цветов!..

Модест. Просто сидеть с удочкой в руках и просто глядеть на воду. Как она течет... (*Виновато улыбается, но – обаятельно.*)

Юлька. Правильно: ты философствуй, а я стану бабочек ловить. Кстати, милый, давно собиралась спросить: отчего в городах нету бабочек, а только одна моль?

Валерия. Юля, сынок...

Юлька. Как жалко!.. Хочется красоты... Жизнь прекрасна только, когда красива!.. (*Модесту.*) Смотри, я поверила, Модест: ты мне обещал, что мы будем жить красиво.

Модест обещающе улыбается.

Господи, мне так хочется оторваться от земли и полететь, полететь...

Валерия. Юля, сынок... Тебя забирают в армию, Юля!

Юлька. Что, мама?..

Валерия протягивает повестку. Юля тоже тянет к ней руку. Но повестку не берет.

Прости, мама... что ты сказала?..

Валерия. Сынок, не сердись на меня... Я их рвала, не говорила тебе, думала, может, пронесет, забудут... Правда, сынок, не хотела тебя сердить, скрывала... Это уже пятая... Или шестая... Завтра в восемь утра... Военкомат... Принес милиционер, сказал, что завтра придут с милицией... Там написано: в случае, если не явишься – суд... Я звонила знакомому юристу, он сказал, что все это очень опасно... Господи, мальчик мой...

Кир делает шаг к ней, желая утешить, – она вдруг припадает к нему, прижимается. *Модест* поднимает с пола повестку, надевает очки.

Модест. Мм... обязаны явиться с вещами... восемь утра...

Юлька. Прости, я встречала на улице таких людей... В этой армии, кажется, на ноги надевают такие...

Модест. Военную обувь.

Юлька. Да!..

Модест. Погоны, гимнастерка, ремень...

Юлька. И этот кошмар полагается – на свое тело?..

Модест. Мне помнится, в мои времена выдавалось нательное белье... Под гимнастеркой еще носили... Вполне элегантно: белая рубаша с белыми пуговичками и белые кальсоны с белыми тесемками на поясе и на ногах...

Юлька. Но это невозможно, невозможно... И я не встаю так рано... Мамочка, почему ты не объяснила этим людям, что я не могу просыпаться так рано, что я – вообще, вообще...

Валерия (плачет). Как мне его уберечь, Кир?.. Мир – ты видишь, какой он... Я думала, справлюсь, смогу защитить, а его... Отнимают, хотят отнять, Господи, отнять...

Юлька. Нет, не хочу... Представьте, что я не хочу, господа... Господа, господа, а я не согласна... Пусть для начала у меня узнают: а я – желаю?.. Разве я не свободна?.. Почему нет свободы? Почему моя воля... Милый, ответь, почему моя жизнь не принадлежит мне – ведь это моя жизнь?.. Или я что-то путаю?.. С первого нашего дня, с первого прикосновения нескончаемый страх быть застигнутым, узнанным, униженным – почему?.. Некрасивая жизнь – за что?.. Модест! Ах, Модест!..

Модест. М... мм... Ты права... права... Но сейчас надо думать, что делать. Прости, тут написано, что в случае неявки...

Юлька. Мамочка, сделай ты что-нибудь! Почему ты стоишь? Почему ты ждешь? Чего ты ждешь? Тебе уже безразлично, что будет со мной?

Валерия. Кир! Кир!..

Юлька. Почему ты не хочешь мне помочь? Разве у тебя есть еще кто-то на этом свете?.. Я – твое солнце, надежда, спасение, а ты, а ты...

Валерия. Да... да...

Юлька. Ты должна меня защитить, ты обязана...

Валерия. Как, сынок, я не знаю...

Юлька. Дрянь, дрянь, какая же ты дрянь...

Валерия. Юля!

Юлька. Пустая, никчемная, жалкая, ноющая...

Кир. Как она тебя любит, перестань!..

Юлька. Любит? Она меня любит? Скоты!.. Я родилась у скотов! Только скотам нету дела до их детей! Только вам никогда до меня!.. Вам только борьба нужна – друг с другом, с властями, со всем белым светом, меня же – ай!..

Кир не удержался, залепил Юльке пощечину.

Модест (*устремляется было к Киру*). Но, господа... товарищи...

Кир. Только подойди, гад, только приблизься!

Юлька (*перекрывает дорогу Модесту*). Он уголовник, Модест, я прошу!.. Папка, мужчина, бить слабых, как можно?..

Кир (*шепчет, стиснув кулаки*). Убил бы, убил...

Юлька. Уезжай в свою Америку!.. Я тебя не люблю, ты слышишь!? Ты слышишь?..

Модест. Дорогая...

Юлька. Мне страшно с тобой, я боюсь!..

Модест. Родители, Юля, нельзя...

Юлька. Он искалечил ей жизнь... Он искалечил нам жизнь... (*Обнимает Модеста и плачет у него на груди.*) Он и себе, и нам, и себе... Я его не люблю, не люблю...

Валерия (*тянется к сыну*). Юлечка... Юля...

Юлька. Мамочка моя...

Валерия. Мальчик мой, Юля...

Юлька. Мамочка! Мама!.. (*От Модеста кидается к ней и зарывается у нее на груди.*)

Валерия (*зареванная, но счастливая*). Юля...

Появляется Лиза. Шикарно одета, сразу и не узнать. Строгий английский костюм, высокий каблук, прическа, шляпа, даже вуаль...

Лиза (*сдержанно, вполне по-английски озирает присутствующих*). Ну, Кирка, мы едем, наконец, за границу или нет? Машина уже внизу.

Тишина.

Я говорю, машина внизу. Я уже спускалась, потом вспомнила, вдруг: тебя позабыла.

Кир (*тихо*). Сейчас. Ты иди. Я догоню.

Лиза. Уже ни минуты, Кир.

Кир. Хорошо, я понял. Спускайся. Чемоданы не трогай, я сам.

Лиза. Да ты не одет – когда?..

Кир. Успею, ступай. *(Быстро подходит, целует.)* Ну, ступай же, ступай...

Лиза. Погоди. До свидания сказать людям дай. Господа... Ну, в общем, это... я уезжаю. И как говорится, я вам желаю...

Тишина.

Желаю я вам, вы чего? *(Вдруг смеется.)* Живите уже, наконец, живите! Ну, что вы страдаете, вы живите! Живите!.. *(Направляется к выходу.)*

Юлька *(внезапно).* Лиза, прощай! *(Обнимает ее, целует и плачет.)* И ты, моя добрая, моя красивая – и ты живи... Себя береги и его, хорошо?.. Вы же там, на чужбине, хорошие вы мои...

Лиза. Не реви...

Юлька. Скажи на прощание: ты любишь его? Ты чувствуешь – любишь?

Лиза. Кого, дурачок?..

Юлька. Он – замечательный, Лиза, люби его, люби!..

Лиза. Юлька, я только погладилась, а ты помнешь...

Юлька *(осеняет ее крестом).* Я буду молиться за вас, возьми... *(Надевает на нее крестик.)*

Лиза *(всхлипывает).* Юлька, дурачок...

Юлька. Я вас люблю, вот... *(Крестит Лизу.)* Я вас люблю...

Лиза. Приезжай к нам, в Америку... Приедешь, что ли? Обещаешь?.. Да ну тебя, дурачок... *(Уходит.)*

Тишина. Кир подходит к Модесту.

Кир. Выйди, пожалуйста.

Модест. Мм...

Кир. Очень прошу.

Юлька. Папочка...

Кир. Пусть выйдет. Мне нужно. Я прошу.

Модест *(нежно касается юлькиного плеча).* Я буду близко. Я – понимаю... Ничего не бойся.

Юлька. Да... Хорошо... Да...

Модест скрывается. Молчат.

Кир. Полжизни представлял себе, какой она будет, эта минута... Вот, значит, оказывается, как... Прощайте. Уезжаю. Теперь уже, кажется, точно. Теперь – навсегда. Не знаю, что говорить... Поздно, наверное, говорить... Неинтересно... Поздно... Валерия... я все равно... любил тебя больше жизни... И тебя, сын, поверь...

Юлька. Папочка...

Кир. Простите меня... Простите...

Молчат. Он медленно направляется к выходу.

Валерия (*тихо*). Кир...

Он останавливается. Она медленно идет к нему, берет его за руку, прижимается щекой.

Юлька (*тихо*). Папочка... Папочка... (*Обнимает отца и мать.*)

Все трое стоят, тихо плачут...

Часть вторая

*И снова ночь. Но в другой стране. И кажется, что на другой планете. Комната. Полагать – гостиная. На столе грязная посуда, недоеденный кем-то ужин, пустая бутылка из-под вина. Стены увешаны картинами. Странная фантазия художника мусор на всех полотнах. Этакое вселенское мусоропреставление: люди из мусора, птицы, ползучие гады и звери; в мусорном небе солнце с луной – из мусора; дуют мусорные ветры, на мусорную землю падают мусорные дожди... Смотришь на все это – так и чудится некая мусорная симфония... Появляется **Кир**. Небрит и запущен. В старой майке с жирно нарисованным: «Нет!...», в потертых и драных джинсах. Мгновение стоит, прислушивается. Из другой комнаты доносится смех. Он было направляется туда, однако у двери останавливается, чего-то как будто ждет... Стоит, низко опустив голову. Вдруг быстро идет к столу, проверяет бутылку, берет какую-то еду, садится в кресло, вытягивается, ноги кладет на стол. Ест. Появляется **Лиза**. Обнажена. Похоже, ей нравится жить без одежды.*

Лиза. Привет, мой хороший. Ты уже тут? (*На ходу его чмокает.*) Как знала – объявишься, дверь не запирала... (*Скрывается в душевой.*)

Он сидит. Не пошелохнется. Жует. Внезапно из соседней комнаты громко и фальшиво доносится пение: «Иерусалим, о, Иерусалим... о, ты золотой, о, ты

*прекрасный!..» **Кир** решительно поднимается и направляется туда, где поют, – впрочем, останавливается на полпути... Пение: «О, как я тебя крепко люблю, Иерушалаим, о, ты мне освещаешь жизнь!..» Так же внезапно, как поднялся, **Кир** возвращается в кресло, занимает прежнюю позу. Пение: «Да отсекут мне правую руку, если я позабуду тебя, о, Иерушалаим!..» Появляется **Лиза**. Мокрая, обернутая в огромное махровое полотенце.*

Хорошо, что пришел, я соскучилась. (Чмокает еще.) Я сейчас...
(Скрывается.)

*Песня оборвалась. И опять **Кир** срывается с места, заметно, тянет его в другую комнату, как магнитом, но, похоже, нет сил, его будто парализует. Стоит, не пошелохнется. А оттуда несется смех – женский, мужской... **Кир** сжимает кулаки, внезапно хватается руками за голову, возвращается в кресло. Появляется мужчина. Лет сорока, по виду религиозный. Штаны расстегнуты, рубашка наружу. Улыбается, выглядит очень довольным. Увидев **Кира**, останавливается. Теряет улыбку. Прищурившись, строго разглядывает. Опять улыбается, заправляется.*

Моше. Ну-ну, как дела, уважаемый!

Кир (хмуро). Нормально.

Моше. А что, харашё?

Кир. Заебись.

Моше (смеется). Заеись-заеись – харашё! Хаашё-харашё, а? Да? Что?.. Америка – тут харашё, а? Да, да?.. Я Америка приходил 30 летa раньша!.. Из Батуми приходил, такой город знаешь? Не знаешь?.. Самий такой харёший горид на света!.. Сольничный Грузия – да, молодец!.. Америка тоже харёший – да?.. Тоже харёший, тоже замечательный, да?

Кир (вяло и не глядя на собеседника). Да.

Моше. Да? Харашё, пажалста, гавари: да?

Кир. Пошел на хуй.

Моше. Пачиму, дарагой?..

Лиза смеется.

Это что он такой гаварил, эй?.. (Растерянно озирается.) Он мне гаварил...

Лиза (весело). Приходите еще, дорогой человек, говорил!

Моше. Он не так гаварил, мамой клянус...

Лиза (уже просто хохочет). Не понял – не стой, а понял – иди!.. (Подталкивает **Моше** к выходу.) Да иди же, иди... Надо идти, когда посылают, иди... Еще сомневается, ты погляди на него...

Моше (упирается). Что он гаварил?..

Лиза (*напирает на него*). Ты что, глуховат, ты не понял?... Любимый, сказал, как я тебя уважаю и крепко люблю, сказал!..

Моше. Я все панимал, не люблю гаварил...

Лиза (*наконец, справляется с темпераментным клиентом, выталкивает его за дверь*). Да зачем же тебе понимать, дурачок!.. Вот правда же, вот... (*Возвращается, смеется*.) Так возмущается, так натурально... Такой на тебя упадет – обхохочешься, честно... Весь в родинках – весь, представляешь? Какой-то – как меченый... (*Обнимает Кира*.) А он тебе что, не понравился? А по-моему, очень смешной... Вот, сорок долларов дал, вот, гляди... Такая, как ты, говорит, миллион стоит, но больше сорока, говорит, не дам. Говорит, восемь детей и жена опять в роддоме. Держи, мой хороший, на пиво! Ну, Кирка, держи, целых двадцать!.. Такой аккуратный, десятками выдал...

Кир (*вдруг ее отталкивает, сдирает с нее полотенце и хлещет по лицу, плечам*). Тварь! Тварь! Тварь!..

Лиза (*хочет обнять*). Ты чего?..

Кир. Не могу тебя видеть, тварь!

Лиза (*снова пытается обнять*). Почему? Да мне же не трудно!..

Кир. Ради этого ты приехала сюда? Только ради того, чтобы сутками трахаться у меня на глазах?

Лиза. Я работаю!

Кир. Нет! Не касайся меня, не хочу!.. (*Отталкивает, уходит, хлопнув дверьми*.)

Лиза (*сидит на полу и тоскливо качает головой*). Дурак... Ненормальный... Больной... Вот больной... (*Поднимается, направляется к двери*.)

Навстречу Кир. Обнимает, целует.

Кир. Прости меня, заяц, я не хотел... Не хотел, ты же знаешь, прости... Ну, прости дурака, бегемота, осла... Я знаю, что я негодяй, что я самый последний... Ну, только не обижайся, прошу!

Лиза. Мозги у тебя не на месте, ты понял?

Кир. Прости, ты права, кажется, я дошел...

Лиза. Ты меня бьешь по морде, я ею работаю!

Кир. Я же сказал: прости! Больше не буду!

Лиза. Каждый день ты клянешься, каждый день обманываешь! Я тебя скоро пускать перестану!.. Я же работаю, подонок!.. Такая работа – понятно?

Кир. Прости, я пришел к тебе добрым, потом... Ну, прости ты меня, прости... Ты же видишь, как мне трудно все это переносить, ну, забудь...

Лиза. Предупреждаю, если еще раз заедешь по морде...

Кир. Дай мне две тысячи!

Лиза. На!.. (*Демонстрирует кукиш.*)

Кир. Заяц...

Лиза. Заработай!.. Я – честно, я больше уже не могу, все!..

Молчат.

Упрямый, как конь... Просишь, просишь его... Ну, Кирка, серьезно скажи: ты чего?.. Я похожа, что ли, на дойную корову? Откуда у меня столько? Вот, погоди, заклею миллионера – тогда мы его, может, разденем... А пока он одетый где-то гуляет – терпи, дурачок... Столько уже терпел!..

Молчат.

Ну, ты же поставил картины. Что-нибудь продается? Ты ничего не рассказываешь. Что, совсем ничего?..

Кир. Оставь, кому это тут интересно...

Лиза. И тут покупают. Сама видела. Честно. Нарочно интересовалась.

Кир. Иногда на себя смотрю их глазами – как бред!.. Другая жизнь и мусор другой... Зачем им все это, думаю?..

Лиза. Одно слово – америкосы!

Кир. Я не понимаю, чего они хотят.

Лиза. Бабла!

Кир. Я не их, я другой... Не покупают, короче, и все тут!.. Имена еще покупают. Где оно, имя мое? Время, похоже, его пожевало да выплюнуло...

Лиза. Да ты дурачок, ну и что?.. Биографию им расскажи, тут все сочиняют... Каким был героем, скажи, например, каким диссидентом... Еще чо-нибудь... Тут все приезжают – и все лапшу вешают... Ты, Кирка, чего, что ли, хуже других?

Кир (*разглядывает картины*). Они что, слепые? Без слов – что, не видно?..

Лиза. Да им только мусор и видно. Они же не понимают, что это такой мир! Наш такой мир – грязный и прекрасный!.. Ты объясни им, как мне, может, тогда и они скажут: ну, действительно... да, мир такой... похоже...

Молчат.

Научись продаваться! Ты же сам про них все уже нарисовал! Кир!..

Кир. Я уже ничего не понимаю...

Лиза. Ладно. Мне говорили, тут самое главное – наткнуться на какого-нибудь ценителя с миллионом... И чтоб дурачок, и чтобы ценитель, и чтоб миллион имел – в общем, клиент...

Кир. Сегодня как раз наткнулся. На дядю из всемирной мусороуборочной компании. Сходу предложил скупить всю выставку по пять долларов за картину. Потрясающе!.. Или, по-твоему, стоило согласиться?

Лиза. Да не понял ты ничего. Не учишь язык и не понял. Он, может, пять тысяч тебе предлагал. Или пять миллионов!..

Кир. Оставь. Я все про него понял, и он все понял про меня. Просто вид у меня сейчас такой – что все заглочу...

Лиза. Сколько раз я тебя просила: брейся! Нигде – тут особенно! – не любят несчастных, обиженных, слабых! Тут надо в порядке себя, Кир, в порядке!..

Кир. Прошу тебя, заяц, мне деньги нужны.

Лиза. Удивил!

Кир. Мне – правда, не выпить, серьезно... Письмо получил. Оттуда... Поверь же, послушай меня, на этот раз я тебе говорю... Если ты мне не поможешь, заяц, я туда пешком пойду...

Лиза. Какое у тебя письмо? От кого?..

Кир. Ты не веришь, я знаю... *(Ищет письмо.)* От жены... от Валерии, пишет, что сын Юлька... Ну, в общем, как будто он там пристрелил кого-то...

Лиза. Кого?

Кир. Я вижу, что ты не веришь: какого-то старшего лейтенанта... Или полковника... Черт, где письмо... Там точно написано, мне казалось, я его положил... Дома, наверно, оставил... Или на улице... Где-то заснул на скамейке...

Лиза. Приехали, называется. Спишь, где попало. Еще, наверно, и с кем попало.

Кир. Нет, неинтересно.

Лиза. Рассказывай! Все равно не поверю. Где-то гуляешь, пропадаешь по три дня... Можешь мне понятно объяснить: кто кого пристрелил?

Кир. Я знаю столько же, сколько и ты. Безумно написано... Юлька пристрелил полковника и ранил старшего лейтенанта... Или наоборот: ранил полковника, а старшего лейтенанта... Пишет приезжай. Все...

Лиза. Дай мне, прочту.

Кир. Я сказал – потерял.

Лиза. А тебе не приснилось?

Кир. Я бы столько отдал, чтобы приснилось!

Лиза. Все равно, тут чего-то не так: или ты придумал, или она. Да Юлька на такое не способен!

Кир. Я тоже до сих пор так думал! Но он же мой сын! В конце-то концов, он – мой сын!.. Подожди: ты полагаешь, она могла придумать? Такое возможно придумать?..

Лиза. Все! Я знаю теперь, для чего ей все это нужно! Я знаю, я знаю, я знаю... Поезжай, если хочешь. Поезжай, поезжай... Да я и сама захочу – такое могу придумать!..

Кир. Но что же мне делать, заяц? А если действительно – так, так?!.. Она там погибнет, сын... Безумная баба, не пишет: убил, не убил, жив, не жив... Они его засудят... Трибунал, вышка – разговор короткий...

Лиза. Я не верю ей ни вот столечко!..

Кир. Ты что, идиотка, не понимаешь – убил командира!

Лиза. Да и черт с ним! Видала я этих командиров! Такие ублюдки мне попадались!.. А может, все только ждали, когда, наконец, этих сволочей постреляют! Все только ждали да дрожали, а наш Юлька – он один настоящим мужиком оказался! Твой сын – он один – настоящим – понимаешь?

Кир. Ты – дура! Кому это интересно? Если такое случилось, если это, не дай Бог, все так... Ты понимаешь? Нет? Нет?..

Лиза быстро уходит в другую комнату. Возвращается.

Лиза. Держи. Тут семьсот.

Кир. Мне этого мало... Смешно... Я же не доеду...

Лиза. А больше у меня нет. Я же тоже не знала. Только вчера за квартиру отдала за полгода вперед. Еще платье купила. Выпить, еды. Цветов... А эти специально держала за твой номер в гостинице... Стоп! Ты ей звонил?

Кир. Выпить купила? *(Озирается.)* Где?..

Лиза. Успеешь! Я спрашиваю: ты ей звонил?

Кир. Нет, подожди... Ну, конечно, звонил!.. Телефон молчал... Никого... Наверно, уже в тюрьме... Дай-ка мне выпить, заяц, я высох...

Лиза. Ее-то за что в тюрьму?..

Кир. Ее не в тюрьму... Но она там вокруг будет бродить, как проклятая, и никуда не уйдет...

Лиза. Какой смысл, интересно...

Кир. А тебе не понять, дура!.. Потому что сына не бросит!.. Потому что пойдет до конца, если любит!.. Потому что святая!..

Лиза. Святая? Видела я святых! Святые – пока не застукали!..

Кир. Что ты сказала?..

Лиза. Что слышал!.. У этих твоих святых одно на уме: под кого поскорее бы лечь!.. Так еще, чтоб никто не увидел!.. Фанька в школе у нас была... Фанька с Фонтанки!.. А, знаешь, чего она придумала? В белом подвенечном платье с фатой, вся в белых цветах выбегала на мост и лезла топить... Ну, тут же сбегались мужчины со всего Невского проспекта, она каждого крепко в губы целовала, у каждого на груди рыдала и клялась, что за нелюбимого не пойдет, лучше в воду! И, представь, всегда находился фраер, с которым у нее закипала любовь с первого взгляда...

Кир. Чушь собачья...

Лиза. Чушь, не чушь – у нее, что ни день, любовь с первого взгляда!..

Кир. Я – ее единственный мужчина.

Лиза. Ой, держите меня, кретины, а то я не могу!.. А тебе нравится быть единственным? Жмот ты несчастный... А другие козлы, выходит, пускай с голоду пухнут?.. Ой-ой, вот только бы ты у нее всегда был единственным, ты, только ты!.. И чтобы такой она век просидела – такой-претакой! – которая только одного тебя ждет и которая больше ни с кем... Ни-ни-ни!..

Кир. Дура...

Лиза. Нет, почему же, ты признайся: такие тебе нравятся? Такие?

Кир. Такие мне нравятся. Но почему-то всю жизнь живу с такими блядьми, как ты.

Лиза *(усмехается; неторопливо достает водку и ставит на стол; опять усмехается)*. Блядь, между прочим, кормит тебя и поит. Из дому не гонит и пархатым жидом не обзывает.

Кир. Папаша ее – не она...

Лиза. Ну, конечно!..

Кир. Я сломал ему руку... Он бы меня засудил... Она ничего не могла, да пойми ты...

Лиза. Скажи, не хотела!..

Кир. Там стояло ребром: тюрьма или развод...

Лиза. Да с отцом не управиться, сука!.. Своими руками убила бы, сука!..

Кир. Побойся Бога: судить человека, которого совсем не знаешь...

Лиза. Все знаю!.. Я все про нее поняла!.. Ты меня обзываешь тварью, а она тварь такая...

Кир. Зачем ты все это сейчас? Разве об этом нам надо сейчас?..

Лиза. И зарезать тебя хотела – на моих, между прочим, глазах!..

Кир (*берет со стола нож*). Я тебя на твоих же глазах порежу, тварь – хочешь?

Лиза (*с легкостью подставляет грудь*). Пожалуйста, на! На, попробуй! Ну, на же, ну, на...

Кир. Почему ты такая злая? Зачем тебе это надо – мне мою жизнь перечеркивать?

Лиза. Да чего перечеркивать, нечего перечеркивать! Ничего у тебя не было, все ты врал! Самому же себе и врал!..

Кир (*стискивает в руке нож*). Лучше молчи...

Лиза. Там тебе было плохо – приехал сюда! А приехал сюда – тебя только ждали, да?.. С распростертыми объятиями – да?.. Кир, заждались, говорят, чо так долго?.. Да ты, Кир, да их тут, своих – как собак!.. Но хотя бы своих тут, своих!.. Собаки свои и земля эта – ихняя, ясно?.. А тебе что она?.. Да и ты ей кто будешь?.. И ты ей чужой, и она не твоя, и тошнит тебя от нее, и бежать уже хочешь, причину ищешь, деньги тебе нужны!

Внезапно врывается Моше с пистолетом.

Моше. Мамой клянусь, стоять! Руки наверх! Стоять!

Лиза и Кир удивленно на него смотрят.

Я сказал тебе, руку наверх!.. Другой рука – тоже! Оба рука – наверх! (*Лизе.*) Забирай у него ножик! Быстро!

Лиза. Папашка, ты чо?..

Моше. Ножик, говорю! Ножик!..

Лиза пожимает плечами. Забирает у Кира нож.

Руку держать! Держать, я сказал, вниз делать не надо!.. (*Лизе.*) Давай эту ножик.

Лиза. Ты чо, он тупой...

Моше. Пачему?

Лиза (смеется). Тупой, говорю, ты чего? (*Отдает нож.*)

Моше. Зачем тебе ножик, если тупой? Пачему он хотел тебе рэзат? (*Киру.*) Рука! Сразу стрелять буду делать! Два раза предупреждать не буду!

Лиза. Только попробуй, папашка, ты чо?..

Моше. Он такой террорист, ты бояться нэ нада, я тебе буду защищать дэлать!

Лиза. Ты – от кого? Он мой муж, ты чего?

Моше. Пачему муж?..

Лиза. Говорю тебе, муж! И не трогай его! И только попробуй ты с ним что-нибудь...

Кир *(внезапно страшно кричит)*. Сука, стреляй!.. *(Рвет майку на груди.)* Ну, кончай меня, слышишь!.. *(Идет на Моше.)* Меня уже там кончали – давай теперь ты!.. Ну, чего ты, ну, что, ну, стреляй!..

Оказавшись достаточно близко, Кир кидается на Моше, хочет отнять пистолет, завязывается борьба. Мужчины долго и нелепо катаются по полу, не в силах победить один другого. Пистолет, вдруг, выстреливает. Тишина.

Лиза *(неожиданно смеется)*. Ну и козлы... Два старых козла, поглядите на них... Ну, козлы, не могу, до чего... *(Хохочет.)*

Моше поднимается. Кир остается лежать.

Моше. Зачем гаваришь казол, я не казол...

Лиза. Настоящий козел с ружьем...

Моше. Мамой клянус, не нада гаварит казол... Абижаешь... Меня зовут Моше, я – чилавэк.

Лиза. Тебя зовут – козел. И всех вас зовут – козлами. А ты еще притворялся, как будто по-русски не понимаешь, козел! Май нэйм из Моше, ай лав ю!

Моше. Зачем, дарагая, так гаваришь?

Лиза. Ай лав ю-ай лав ю, ай лав ю-ай лав ю – научился!..

Моше. Ты хотя бы минута со мной говорила, как человек?

Лиза. О чем, интересно, нам с тобой гаварить!..

Моше. Я хател гаварить, только ты гаварил: давай, гаварил, давай, очень поскорей раздевайся и вперед! Даже памалиться не давал. Что у тебя, слушай, пожар?

Лиза. А с вами, козлами, по-другому нельзя. Думаешь, ты у меня один такой? Кто тебя звал, чего ты вернулся?

Моше. Он тебе рэзат хател, я слушил. Я тихонко адын там стоял, все слушил. Не надо бил, да?

Лиза. Он меня так, если хочешь знать, каждый день режет.

Моше. Зачем, слушай, так делает?

Лиза. Любит, наверно. Любит, понимаешь? Кирка, вставай. Кир...

Моше. А ты его любишь, да? Слуший, зачэм тибэ такой старий?

Лиза. Кир, ты живой? Ты чего, эй?.. *(Кидается на колени возле него.)* Что ты с ним сделал, почему он лежит?.. Кир, тебя ранило?.. Да куда же?..

Моше. Как можит ранит, если пуля летит туда?.. Глаза если имеешь – туда смотри, да, сам будишь видит...

Кир молча поднимается, садится на стул. Отворачивается.

Лиза (*внимательно на него смотрит*). Ну, слава Богу, живой... Все в порядке?.. Эй...

Моше. Кровь нет, все хорошо...

Лиза (*встает, подходит к Киру, с нежностью кладет ему руку на голову*). Кирка, давай, не молчи. Поругай меня лучше. Ну?

Он молчит. Она, вздохнув, тоже садится. Моше мнетя. Зачем-то дует в дуло пистолета. Прячет его в карман. Смотрит на Лизу, то на Кира.

Моше. Это как надо говорить... Господа... извиняюсь... хотел по-хорошему помогать... Как говорят у нас в Грузии – от весь наши сердце...

Лиза. Заврался, папашка: мне говорил, ты – еврей, живешь в Бруклине, мечтаешь уехать в Иерусалим...

Моше. Я еврей, радился Батуми, в Бруклин живу, мечтаю уехать в Иерушалаим.

Лиза. Серьезно, не врешь? Я грузинов люблю. Был у меня один, Лашей звали. Он мне всегда из Тбилиси полный чемодан мандаринов привозил. Я мандарины люблю.

Моше. Мамой клянусь, я тебе сичас дэзить чемодан принесу – хочишь?

Лиза. Ха, смешно... Мы с ним по ночам в Летнем саду эти мандарины на деревьях развешивали. Высоко, не достать... Ну, конечно же, а я думаю, кого это ты мне напоминаешь: оказывается, грузина!

Моше. Правильно напоминаю: я грузин и есть. Только еврей.

Лиза. А похож на грузина.

Моше. Батуми родился!

Лиза. Повезло. Я грузинов люблю. Только мне непонятно: почему ты, еврей, в Батуми родился и похож на грузина?

Моше. Потому что еврей! Ты послушай меня, дорогая: еврей, чтобы жить, должин бить пахож на грузин, на китаец, на обезьян – на всех! Тогда он живет, понимаешь? Папа у меня был – чтобы ему Там было хорошо! – очинь хароший человек! Он говорил: неважно, на кого еврей похож, важно, чтобы еврей был человек, а человек – еврей!

Кир оборачивается, смотрит на Моше.

Что, дорогой? Что хочишь гаварить? О чем думаишь?..

Кир молчит. Напряженно смотрит.

Так хочит Бог от нас, чтобы ми били так!..

Кир (*поднимается*). Вы, кажется, веруете?

Моше. Я – абязателна! (*Касается рукой головного убора, поправляет.*)
А как же, слушай, если не верит – разве харащё будит?

Кир. Вы точно уверены: Бог – есть?

Моше (*не раздумывая*). Мамой клянус – ест!

Кир. Вы верите? Точно? Вы верите?

Моше. Очин вэру! В нашем роду, дарагой, каждый мужчина, как маму знал: Бог – ест, Бог – адин, все мы – пад Бог!

Кир. Чего хочет Бог?

Моше. Чтобы нам било харащё, слуший!

Кир. Тогда почему так мучительно жить?

Моше. Пачему, слуший, мучително? Кто тебе такой глупасть гаварил? Сматри, я тибэ гавару по-хареший: если у тебя ест хареший жина, ест много хареший дэти, хареший квартир, хареший машина, сам ты хареший, люди про тебя харащё гаварит – как харащё, слуший!..

Кир вдруг сникает, отворачивается, медленно опускается на стул.

Что, дорогой, разве я неправильно говорю? Ты разве не так думаешь?..

Лиза. Не так.

Моше. Пачему ни так? Мне интэресно. Как чилавэк!..

Лиза. Да потому что скучно, грузин-еврей. Да потому что мухи дохнут. Да бессмысленно это... Ты видишь, он отвернулся. И меня тошнит. С детства мне вешали на уши: у этих такая квартира, да еще дача с забором, да машина, которая чуть не летает... А у этого дочка замужем за миллионером, они по ночам миллионы считают!.. А у той, вы подумайте, бриллиант с лошадиную голову!.. У другого, на зависть, одна нога до колена – золотая, другая – серебряная, а обе руки по локоть в крови... Господи, тоска! Да по мне лучше уже сразу удавиться. Из дому сбежала, достали меня эти речи: пойдешь за богатого, сытого, обеспеченного, нарожаешь богатеньких, сытенных, обеспеченных... Любили меня без памяти, хотели добра, а я про себя думала: ну, покажу вам богатого! Назло всем под самого нищего лягу! Назло незаконных детей нарожаю! Им назло, себе назло, всем назло, потому что... Так мне тоскливо с ними было... Как сейчас помню, к нам в седьмом классе новый учитель по физике пришел. Котюра такой с сединой, похож был на Ива Монтана.

Носил он штаны в обтяжку, когда меня видел, эти штаны на нем трещали по швам. Страшно меня он боялся!.. Я на последней парте сидела, оттуда такие глаза ему делала – он закипал!.. А то, вдруг, достану и голую грудь покажу – с ним вообще столбняк!.. Мой первый учитель – учитель по физике! Так он мне эту физику преподавал, что я еще тогда поняла: ой, блядью родилась, блядью помру. И никакие родители, мужья, дети... Да катитесь вы все от меня подальше! Да все же вы – врите!.. Жалкие людишки, бедные людишки... Это же невозможно выносить – всех все время жалеть... Господи, помоги, живу – не знаю, чего я хочу... Там не знаю и тут не знаю... И не знаю, надо ли мне знать... Говорят, где-то есть другая жизнь: будто бы только для души... Где будто бы только чистые души летают, друг с дружкой ласкаются... Где будто бы нету страха, нет пота, нет тоски... И где – хорошо... Но все это будто бы – там, а не тут. А тут... А что – тут?..

Моше *(вдруг, кричит)*. Чилавэк!.. Бог сказал: чилавэк нужна тут бить! Только чилавэк!.. Если будишь Бог любить – все у тебя будет харашё, панимаешь?

Лиза. Не будет нам тут хорошо, поняла, что не будет!.. Тут есть только тело и тут можно только мучиться!.. Тут столько злобы и столько ненависти!.. Я тоже так думаю: вся любовь – там, там!.. И все добро – там, там!.. *(Плачет, сдирает с себя майку, шорты, опять остается без ничего, топчет ногами вещи.)* Мучиться, мучиться!.. Мучиться!..

В дверь звонят.

Мучиться, Господи, мучиться... Мучиться...

Моше открывает дверь – является рослый, роскошный **Американец**.

Лиза *(радостно кричит)*. Джонни приехал! Жизнь моя, Джонни!.. *(Кидается ему на руки.)*

Американец легко ее поднимает, смеется.

Уехал в Лос-Анджелес, не позвонил!.. А я все ждала, наконец-то вернулся! Ай эм глад ту си ю!.. Уноси поскорей меня, Джонни!.. Как хорошо, что вернулся! Ох, как же я рада!..

Скрываются. Тишина. Доносится Лизин счастливый смех. И опять – тихо. Моше на цыпочках крадется к двери, прислушивается. Отходит, недоуменно стоит. Тяжело вздыхает.

Моше. Мамой клянус, слуший, дарагой... Разви так харашё: при мне, панимаешь, при тебе... Ты – дажи муж, панимаешь... Слушай, совесть, по-моему, аканчательно нет: как будто так нужна... *(Внимательно разглядывает потолок.)* Небо не падал... Земля не треснул... *(Молчат.)* Я, сколько живу, слуший, столько удивляюс: какой наш Бог терпеливый... Мамой клянус, у мене восем дети ест – я не такой тирпеливый. Могу их немножко бит, слово могу нехарашё гаварит... А Он, слуший, все терпит... *(Глядит наверх и вздыхает.)* Как это будет по-русски – забивал... Бира, бира... Вот: пиво хочишь? Ох, у нас, слуший, в Америка самый хороший пиво! Один умный чилавэк мне гаварил: немци харашё делает пива. Америка, слуший, тебе гаварю, тоже очень хороший! Честный слово!.. *(Молчат.)* А-а, ты Россия родился, забивал... Ты, может быт, водка хочешь? В Америка есть многа водка – сколько душа просит! Даже китайский!.. Есть даже грузинский чача. Самый лучший на свети! Чача хочишь? Чача не везде бывает. А, слушай, я знаю, где Бруклин есть чача. Пойдом со мной, дарагой, хочишь?.. *(Киp сидит, не пошелохнется.)* Знаешь, дорогой, один я парядычный женщина встречал за целый жизн – моя жина! И то благодаря потому, что я ей каждый день ребенок делал! Панимаешь? Если один день пропускал – уже ничего, как надо, не панимал! И уже – мамой клянус – думал об нее не харашё, убиват хотел. Господи-Господи, не давай мне так сделат... *(Озирается по сторонам, ищет место, где бы пристроиться для молитвы; закрывает глаза, раскачивается из стороны в сторону).* «Господи-Господи, блажен муж, который не ходит на совет нечестивых и не стоит на путях грешных, и не сидит на собрании развратителей; но в законе Господа воля Его и о законе Его размышляет он день и ночь! И будет он, как дерево, посаженное при потоках вод, которое приносит плод свой во время свое, и лист которого не вянет; и во всем, что он ни делает, успеет. Не так – нечестивые; но они – как прах, возметаемый ветром. Потому не устоят нечестивые на суде, и грешники – в собрании праведных. Ибо знает Господь путь праведных, а путь нечестивых погибнет».

Моше оборачивается, на глазах у него слезы.

Очень прошу тебя, дарагой: на Бога не обижайся. Бог никогда плохо не делает. Это – самый главный, что надо панимат. Сматри: Бог тебя харашё сделал. И меня – как харашё!.. Её, такой террорист сэксуальный – тожи харашё!.. Сматри ище: какой мы красивый, умный, сильный! Мамой клянус, если ты, или я, или она нехарашё сделаем – Бог не виноват. Он не хотел, чтобы нам было нехарашё! *(Решительно утирает слезы, достает пистолет, протягивает Киру.)*

Кир внимательно разглядывает оружие. Берет не сразу. Но берет. Решительно встает и направляется туда, где *Лиза*.

Дорогой! Дорогой!

Кир останавливается.

Я тебе хочу говорить: все человек, кто немножко человек, будут говорить: молодец! Правильно делал!

Кир делает шаг – его опять останавливает окрик *Моше*.

Брат! Брат!.. Если я тебе буду папрасит – делай, пожалста: судья потом будет говорить: где брал застрелять? Кто тебе давал? Я тебе очень папрашу, ты говори: воровал у Моше. Харашё? Что я тебе сам давал – не гавари. Харашё? А я буду гаварит: а он у меня варавал, не спрашивал, я ничего не смотрел, не знаю... Харашё?

Кир задумчиво разглядывает пистолет.

Брат, скоро девять детей будет, жалко... Тебя жалко, детей жалко, всех жалко... Ты меня понимаешь?

Кир кладет пистолет на стол, возвращается на свое место. Сидит молча, задумчиво.

Пачиму, слуший?.. Хочишь прощат?.. Стрилять за такой нужно, я тебе гаварю! Мамоу клянус, если ты не будишь делат – я буду делат. Я не могу сматрет, когда женщин такой!..

Кир (морицится). Да оставьте...

Моше. А пачему ты баишься, слуший? Если мужчина – надо бит, как мужчина, мамой клянус!..

Кир. Все надоело. Ничего не хочу – говорить, делать. Пустая затея – жить, пустое – искать в этом смысл. Себе самому и кому-то доказывать, что ты еще жив и чего-то можешь. Да скучно, поймите. Любить, ненавидеть, мстить – да зачем?.. Смешно обижаться, требовать, надеяться – когда все равно никто никому ничем не обязан. И значит, все – зря!.. Что вам от меня надо? Отстаньте вы все от меня! Что вы тут делаете? Кто вы такой? Зачем?..

Моше. Помогать хачу, брат...

Кир. Да как?.. Родишь меня заново? Или научишь меня, наконец, как жить? Да поздно, хороший человек, поздно!..

Моше. Почему, слуший? Кто тебе так говорил? Никому не верь! Слуший миня нимножко, я нимножко панимаю, сматри: Ною било

питьсот лета — очин много! — когда он ражал Сима, Хама и Иафета!.. Авраам, наш отец, било сто лета, когда он ражал Ицхак, любимый сын его, тоже наш отец!.. Царь Моше било восемьдесят лета, когда он спасал наш народ из Египет!.. Смотри: наши отцы всигда гаварили: будит харашё — и делали дети! Молодцы, да? Ты тоже должен так говорить и так делать!

Кир. Чего ты от меня хочешь?

Моше. Чиго хочет Бог, брат, — я тоже так хочу: чтобы тебе было харашё!

Кир. Не будет уже хорошо.

Моше. Ты не знаешь ищё, как Бог умеет!

Кир. Он умеет!.. Только я Его не понимаю!.. И все для меня бессмысленно, если не понимаю!.. Когда-то я думал: вот, я родился и я — уникальный. И все началось с меня, и на мне все закончится. Как было представить мир без себя?.. Но приехал сюда и меня, как пронзило: такой же, как все! Навсегда такой же, как все!.. И что мучаюсь я давно, и мучиться буду долго! Потому что так хочет Бог! Бог!!.

Моше (*отзывается эхом*). Бог!..

Кир. Потому что Он так решил: чтобы мучился!..

Моше. Мамоу клянус: Бог все может!..

Кир. Все болит, все — чужое!.. Чужое небо, чужая земля, ничего не мое и нигде меня нет!..

Распахивается дверь, является Американец. В майке и без штанов. Мгновение стоит и лениво щурится на свету. Наконец, с отсутствующим видом проходит и скрывается в туалете.

Моше (*кивает*). Эй! Господин!.. Джонни! Эй!.. (**Киру.**) Слушай, какой нехороший атмосфера, да? Мешают разговариват, да?.. (*Зачем-то торопится к Лизе, впрочем, у двери останавливается, оглядывается; снимает головной убор, почесывает затылок.*) Надо гаварить его по-английскому, что так нехарашё!.. Если чилавэк не понимаит, надо чилавэк гаварить... (*Направляется к туалету, приникает ухом к двери, прислушивается, оглядывается.*) Очин нихарашо, да?..

Слышно, громко спускается вода из унитаза. Моше пугается. Кир, кажется, не раздумывая, быстро берет со стола пистолет, подносит к груди и стреляется. Выбегает Лиза — опять обнажена. Является невозмутимый американский гость. Свет тихо меркнет...

Э п и л о г

*Много света. Звучит прекрасная музыка. Может быть, Штраус, а может быть, Бог Музыки что-то придумал для такого случая. **Кир** плавно кружится с обнаженной **Лизой**. Обнаженной, чудесно причесанной, в волосах у нее пышное перо. В бальном платье навстречу выплывает **Валерия**. **Кир** с удовольствием попадает в ее объятия, они легко танцуют. Возникает, как чудо, в белом ангельском одеянии **Юлька**, и **Кир** несуетливо переплывает из объятий жены в объятия сына... А в то же время **Лиза** и **Валерия**, взявшись за руки, нежно друг другу улыбаясь, кружатся... Возникает **Американец** во фраке, но отчего-то в шортах – и вот уже они вместе, с любовью взявшись за руки, образуют красивый круг... Внезапно **Американец** подхватывает **Лизу**, возносит над собой, и кругами уплывает в другое измерение... Наконец, музыка стихает. **Наум**, **Юлька**, **Валерия** стоят и держатся друг за друга, счастливо смеются... А может быть, плачут...*

Кир. Семья... наконец... моя семья...

Юлька. Как хорошо быть вместе, как славно...

Кир (обнимает их). Валерка, жена... Мой сын...

Валерия. Наконец мне спокойно... Как странно...

Кир. И мне, Господи...

Валерия. Прости меня, если было зло, если помнишь...

Кир. Я – ничего... И ты, пожалуйста, меня прости...

Валерия. Я очень любила тебя, Наум... Я очень любила тебя...

Кир. Я сына любил... Я тебя любил...

Валерия. Я знала... Я знаю...

Юлька. Папочка, милый, это и есть Святая Земля?

Кир. Да, говорят...

Юлька. Что, правда, тут – Бог?..

Кир. Говорят...

Юлька. Живешь возле Бога – ты счастлив? Или это – тоже трудно?..

Кир. Было трудно... Теперь – ничего...

Юлька. Ты столько мечтал тут жить... Наверное, ты очень счастливый человек: твоя мечта, наконец, сбылась...

Кир. Да... Я не думал, что жизнь такая короткая...

Юлька. Жизнь... Жизнь... Смешно как звучит: знь-знь... знь-знь... Знаешь, миленький папочка, у меня отчего-то ощущение: я – очень давно, а моя жизнь так и не начиналась... Такое возможно?

Кир. Юлька, кого ты там убил?

Юлька. Папочка, нашего командира... Полковника Кобылкова...

Кир. Мама писала про какого-то старшего лейтенанта...

Юлька. Лейтенанта я ранила в ногу...

Кир. Юлька, за что?

Валерия. Они приставали к нашему мальчику. Ты представляешь?

Юлька. Господи, папочка, было так страшно... Я говорила, пыталась им объяснить: я почти замужем, господа, я любима, и я ничего не сумею с ними... А он, а они... Кричали мне: смирно! – и требовали, и трогали...

Валерия. Мальчик мой, боль моя, надо забыть...

Кир. Сын... Сын...

Юлька. Но я не могу забыть, я не в силах забыть!..

Валерия. Надо забыть, постарайся забыть...

Кир. Малыш мой единственный, сынок...

Юлька. Мамочка... Папочка... *(Плачет, захлебывается.)*

Валерия. Мальчик мой, жизнь моя... *(Вдруг дико кричит.)* Ну, сделай ты что-нибудь, Кир! Кир!!

Тишина. Он, вдруг, отходит и странно смотрит на сына и жену.

Кир. Эй, а вы есть?..

Они молчат. И тоже смотрят на него странно...

Как странно, я думал о вас... Думал: вот беда, а я далеко... И горевал, что ничем не могу помочь... А вы – вот, оказывается... Рядом. Близко. Со мной. Как странно... Как все близко... Как странно...

Приближается, обнимает родных.

Валерия. Наконец-то мы вместе... Вместе...

Юлька. Мамочка, мне хорошо... Теперь хорошо...

Кир. Хорошо...

Свет тихо меркнет, а люди стоят и молят беззвучно о помощи. Кто поможет?.. В тонком луче света возникает Моше. Весь в черном, со строгим торжественным лицом. Колеблясь, подобно свече на ветру, читает псалмы Давида.

Моше. *«Голосом моим к Господу воззвал я, голосом моим к Господу помолился. Излил перед Ним моление мое; печаль мою открыл Ему. Когда изнемогал во мне дух мой, Ты знал стезю мою. На пути, которым я ходил, они скрытно поставили сети для меня. Смотрю на правую сторону и вижу, что никто не признает меня: не стало для меня убежища, никто не заботится о душе моей. Я воззвал к тебе, Господи, я сказал: Ты – прибежище мое и часть моя на земле живых. Внемли воплю моему, ибо я очень изнемог; избавь меня от гонителей моих, ибо они сильнее меня. Выведи из темницы душу мою, чтобы мне славить имя Твое. Ради имени Твоего, Господи, оживи меня; ради правды Твоей выведи из напасти душу мою. Потому что Ты – Бог мой...»*